

А.Г. Тепляков*

**РЕВОЛЮЦИОННЫЕ ЛЖЕГЕРОИ:
ПРАКТИКИ САМОЗВАНЧЕСТВА СРЕДИ НОМЕНКЛАТУРЫ
СИБИРИ И ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА В 1920–1930-Х ГОДАХ****doi:10.31518/2618-9100-2024-6-14
УДК 94(47+57) "1920/1930"*Выходные данные для цитирования:**Тепляков А.Г. Революционные лжегерои: практики самозванчества среди номенклатуры Сибири и Дальнего Востока в 1920–1930-х годах // Исторический курьер. 2024. № 6 (38). С. 201–214. URL: <http://istkurier.ru/data/2024/ISTKURIER-2024-6-14.pdf>*

A.G. Teplyakov*

**REVOLUTIONARY FALSE HEROES:
IMPOSTOR PRACTICES AMONG THE NOMENCLATURE
OF SIBERIA AND THE FAR EAST IN 1920–1930S****

doi:10.31518/2618-9100-2024-6-14

*How to cite:**Teplyakov A.G. Revolutionary False Heroes: Impostor Practices Among the Nomenclature of Siberia and the Far East in 1920–1930s // Historical Courier, 2024, No. 6 (38), pp. 201–214. [Available online: <http://istkurier.ru/data/2024/ISTKURIER-2024-6-14.pdf>]*

Abstract. The article, based primarily on archival materials, analyzes the practices of attributing revolutionary merit to persons who made a nomenclatura career in the post-revolutionary period. In the early Soviet period, fictitious biographies saved people of “alien” origin, hiding traces of compromising episodes and forming a correct “heroic” biography, the most demanded by the era. In the east of Russia in the nomenclature there was a noticeable layer of former Red partisans, who often fought not so much against the Whites and invaders, but rather engaged in looting of the population and social cleansing. For the party-state authorities, the problem of identifying those numerous communists who, with the help of forgery, secured their initial authority and subsequent prosperous existence in the rank of honored revolutionary, underground fighter, and partisan was of great importance. A certain matrix of reactions to exposures of false heroes was formed, with a hierarchy of the severity of misdemeanors. Exposing people without a revolutionary past or who attributed their achievements and exploits to themselves was a common practice, which became especially relevant during the purges of the ruling apparatus. But even after the terror of the 1930s, the Party retained many people with fictitious biographies who remained in the rank of privileged fighters for Soviet power.

Keywords: nomenclature, imposture, false heroes, party control, revelations, VChK-OGPU, V.K. Blucher, I.P. Shevchuk.

The article has been received by the editor on 25.09.2024. Full text of the article in Russian and references in English are available below.

* **Алексей Георгиевич Тепляков**, кандидат исторических наук, Институт истории Сибирского отделения Российской академии наук, Новосибирск, Россия, e-mail: teplyakov-alexey@rambler.ru

Alexey Georgievich Teplyakov, Candidate of Historical Sciences, Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russia, e-mail: teplyakov-alexey@rambler.ru

** Статья выполнена в рамках темы государственного задания Минобрнауки РФ «Социум и власть в России в XX – начале XXI вв.: политическое участие, коммуникация, идентичность акторов» (FWZM-2024-0008).

The article was completed within the framework of the topic of the state assignment of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation “Society and Power in Russia in the 20th – Early 21st Centuries: Political Participation, Communication, Identity of Actors” (FWZM-2024-0008).

Аннотация. Статья, построенная преимущественно на архивных материалах, анализирует практики присвоения революционных заслуг лицами, сделавшими в послереволюционный период номенклатурную карьеру. В ранний советский период вымышленные биографии спасали людей «чуждого» происхождения, скрывая следы компрометирующих эпизодов и формируя правильную «героическую» биографию, наиболее востребованную эпохой. На востоке России в номенклатуре была заметна прослойка бывших красных партизан, нередко боровшихся не столько с белыми и интервентами, сколько занимавшихся грабежами населения и социальными чистками. Для партийно-государственной власти была актуальна проблема выявления тех многочисленных коммунистов, кто с помощью подлогов обеспечил себе начальный авторитет и последующее благополучное существование в ранге заслуженного революционера, подпольщика, партизана. Сложилась и определенная матрица реагирования на разоблачения лжегероев с иерархией тяжести проступков. Разоблачение людей без революционного прошлого либо приписавших себе достижения и подвиги было распространенной практикой, приобретающей особую актуальность в периоды проведения чисток правящего аппарата. Но даже после чисток 1930-х гг. в партии сохранилось немало людей с вымышленными биографиями, которые остались в ранге привилегированных борцов за советскую власть.

Ключевые слова: номенклатура, самозванчество, ложные герои, партийный контроль, разоблачения, ВЧК-ОГПУ, В.К. Блюхер, И.П. Шевчук.

Статья поступила в редакцию 25.09.2024 г.

Все социальные перевороты открывают широкие возможности перед искателями приключений и авантюристами. Давно известно, что подобные лица могут примерять на себя самые разнообразные личины. Самозванцев мирских и религиозных объединяет ложная самоидентификация, основанная на иллюзиях и химерах. Свою вымышленную биографию они подкрепляют признанием со стороны очевидцев и авторитетных лиц, поддержанием специфической социально-психологической обстановки, самоубеждением и талантливым актерством.

Феномену самозванчества в дореволюционной российской истории посвящен целый ряд работ¹. Российская революция 1917 г. и Гражданская война породили целую плеяду самозванцев. Только на Урале известны около 20 самозванцев, большей частью «Романовых», действовавших вплоть до начала 1950-х гг.² Однако самозванчество далеко не ограничивалось членами царской семьи. Подобные персонажи добавляли своеобразный колорит в картину советской повседневности³. Изучению целого коллектива самозванцев поздней сталинской эпохи посвятил свою монографию О.В. Хлевнюк⁴. И все же расцвет «советского» самозванчества пришелся на два первых советских десятилетия. В ранний советский период вымышленные биографии спасали людей «чуждого» происхождения, скрывая следы компрометирующих эпизодов и формируя правильную «героическую» биографию, наиболее востребованную эпохой. Здесь перемешивалось желание уцелеть с надеждой занять привилегированное начальственное положение.

¹ Мильников А.С. Испытание чудом. «Русский принц» и самозванцы. Л., 1991; Скрынников Р.Г. Царь Борис и Дмитрий Самозванец. Смоленск, 1997; Усенко О.Г. Психология социального протеста в России XVII–XVIII веков: в 3 ч. Тверь, 1997. Ч. 3. С. 70–73.

² Алексеев В.В., Нечаева М.Ю. Воскресшие Романовы?... К истории самозванчества в России XX века. Екатеринбург; Челябинск, 2000–2002. Ч. 1–2; Кто Вы, госпожа Чайковская? К вопросу о судьбе царской дочери Анастасии Романовой: архивные документы 1920-х годов. Екатеринбург, 2014. 252 с.

³ См., например: Исаев В.И. Необычные судьбы обычных людей: Советская повседневность в 1920–1930-е гг. Новосибирск, 2008. Особенно см. главу: «Наследники Хлестакова: Самозванцы нового времени».

⁴ Хлевнюк О. Корпорация самозванцев. Теневая экономика и коррупция в сталинском СССР. М., 2023.

В настоящей статье мы сосредоточимся на актуальной для партийно-государственной власти проблеме выявления тех членов РКП(б)-ВКП(б), кто с помощью подлогов обеспечил себе начальный авторитет и последующее благополучное существование в ранге заслуженного революционера, подпольщика, партизана. Разоблачение подобных самозванцев – расхожая практика, приобретающая особую актуальность в периоды проведения чисток аппарата, хотя эффективность их была относительна. Сложилась и определенная матрица реагирования на подобные разоблачения с иерархией тяжести проступков.

Ш. Фицпатрик отмечает, что «в революционных условиях всегда крайне важно разоблачать самозванцев, прикидывающихся революционерами». При этом она отмечает тонкую грань, отделяющую «самозванство от вполне похвальной практики самоформирования или перевоплощения, которого революция требует от всех граждан страны». Советские люди быстро приобрели «привычку к утаиванию и ретушированию тех или иных фактов, неразрывно связанную с общим процессом пересотворения себя, коего требовала революция». Эта привычка стала их второй натурой, «как и противоположная привычка к разоблачению и доносительству»⁵.

По мнению Ш. Фицпатрик, советскую идентичность невозможно понять без анализа вопроса о самозванстве, которое делится на политическое (обман партии относительно своего социального или политического лица) и криминальное (когда человек притворялся другим в корыстных целях). Характерно, что законодательство межвоенного периода не считало выдачу себя за официальное лицо преступлением⁶. Начало 1920-х гг. – расцвет подобного рода мошенничества, поскольку одна из традиционных форм русского самозванства – присвоение громкого имени и титула (включая и царский) – пережила революцию и адаптировалась к советским условиям. Толпы подобных жуликов были заметны, давали хлеб журналистам и подпитывали беллетристику, но главные усилия коммунистического государства были направлены на поиск мошенников в собственной партии, посмеявшихся скрыть неподобающие детали биографии. Г.Е. Зиновьев вспоминал частую ленинскую фразу: «Изменником может быть только свой»⁷.

Важнейшим элементом революционного самозванчества было конструирование героических биографий. Практически все советские люди, а в особенности партийные и советские работники, были обязаны вновь и вновь воспроизводить, в том числе письменно, свои биографии в ходе различных партийно-государственных процедур и ритуалов. Современные исследователи отмечают, что биографии революционеров писались ими по определенному канону: обычная жизнь, потом осознание революционной правды и перелом всего существования к новой жизни, одухотворенной великой целью. Причем для оступившихся или солгавших существовал патриархальный ритуал покаяния, дававший шанс сохранить членство в партии и карьеру при условии осознания проступка и желания искупить вину⁸.

Впрочем, искушение приписывать себе героическо-революционные заслуги было настолько сильным, что в конструировании героических биографий участвовали как представители высшего эшелона партийно-советской номенклатуры, так и рядовые партийцы. Особенно широко самозванчество оказалось распространено среди участников партизанского движения в Сибири и на Дальнем Востоке, традиционно полагававших, особенно в период «дегероического нэпа», что советская власть далеко не в полной мере оценила и отметила их военно-революционные заслуги⁹.

В соответствии с канонem революционной биографии авторами подчеркивались их заслуги пропагандиста, организатора, воина-полководца, приводились примеры арестов, заключения, избиений и порок, бегства из тюрьмы или концлагеря. Резко, нередко многократно преувеличивались размеры возглавляемых героем подразделений, придумывались

⁵ Фицпатрик Ш. Срывайте маски! Идентичность и самозванство в России XX века. М., 2011. С. 13, 14.

⁶ Там же. С. 29–31, 309.

⁷ Халфин И. Автобиография троцкизма: в поисках искупления. М., 2024. Т. 1. С. 23.

⁸ Халфин И. Автобиография большевизма: между спасением и падением. М., 2023.

⁹ Савин А.И. «Мы беззаветные герои все...». Феномен социальной мобильности советского общества в свете его героизации (1920-е – 1930-е годы) // Россия. XXI. 2015. № 3. С. 56–82.

эффектные боевые эпизоды, давались огромные цифры потерь врага. Невыгодные моменты скрывала фигура умолчания. Так, знаменитый партизан И.В. Громов (Мамонов) свое дезертирство из отряда Петра Сухова прикрыл словами о том, что он с несколькими товарищами отстал от отряда. Красногвардейский комиссар Ю.Г. Циркунов, бросивший в одном из сел под Каинском отряд интернационалистов, утверждал, что случайно разминулся с ним и потом не смог догнать¹⁰. Нередким явлением было постепенное добавление героических эпизодов в более поздние биографии либо, напротив, убирание каких-то особо неправдоподобных эпизодов. Подобные разночтения позволяли партийным и чекистским надсмотрщикам выявлять многих сочинителей, чему помогало обилие доносов, часто достаточно содержательных и убедительных.

Главным источником для написания статьи послужили документы партийно-государственных архивов, от местных контрольных комиссий до Комиссии партийного контроля при ЦК ВКП(б), а также фонды органов ВЧК-НКВД, включая следственные дела коммунистов. Кроме того, были использованы мемуары революционеров, в том числе всевозможные заявления, жалобы и объяснения тех лиц, в отношении которых возникало подозрение в придумывании героических эпизодов собственной биографии.

Очень характерно, что героическую биографию храброго солдата Первой мировой войны и революционера-агитатора сочинил себе знаменитый красный партизан, будущий маршал РККА В.К. Блюхер. Изучение документов, предпринятое как пристрастными следователями НКВД в 1938 г., так и современными исследователями, показало, что Блюхер был совершенно обыкновенным солдатом Первой мировой войны, которых Россия миллионами посылала на фронт. Он побывал в единственном бою, в чинах не повышался, а тяжелое ранение получил не в столкновении с врагом, а при артобстреле окопов своего подразделения. Не участвовал Блюхер и в революционном подполье, а был сожителем купчихи, посылавшей ему на фронт небольшие суммы¹¹. В то же время в Блюхере была особая жилка волевого и жесткого командира-революционера, харизматичного таланта и храбреца с прагматичным нестандартным мышлением. Эти качества в полной мере были востребованы в Гражданскую войну и позволили Блюхеру стать одним из ее символов. Как активная и успешная личность, Блюхер родился именно в боях Гражданской войны, но при этом двадцать лет подряд воспроизводил выдуманную версию своей ранней биографии.

Блюхер был не одинок среди номенклатурных деятелей, которые, удлиняя свой партийный стаж и приписывая себе революционные заслуги, превращались в старых большевиков. Одним из них был А.И. Седельников (Пучкарев) (1894 – 7 октября 1938), кандидат в члены ЦК ВКП(б), член ВЦИК и ЦИК СССР. Седельников родился в деревне Высокое под Оршей, жил в Сибири с 1909 г., был чернорабочим, с 1915 г. служил в армии, в 1917 г. выбран в Петропавловский совет. С ноября 1917 г. – комиссар промышленности и торговли Петропавловского уезда Тобольской губернии, заместитель продкомиссара, в июне 1918 г. записался в большевики¹². После белочешского переворота был арестован и отправлен в Омск, но вскоре освобожден. В начале августа 1918 г. нелегально пробрался в Омск, снова был арестован и отправлен в концлагерь, откуда бежал в марте следующего года. Согласно официальной биографии, Седельников организовывал в 1919 г. партизанские отряды. В конце 1919 г. он стал членом бюро Тюменского губкома РКП(б) и начальником коммунистического отряда особого назначения. Затем был комиссаром полка на польском фронте, вел партийную работу и в 1926 г. получил должность инструктора организационно-распределительного отдела ЦК ВКП(б).

С 1930 г. Седельников работал секретарем Тульского окружкома и горкома ВКП(б), одновременно являясь членом Московского комитета партии, кандидатом в члены ЦК ВКП(б), членом ВЦИК и ЦИК СССР. Бюро Комиссии партийного контроля при ЦК ВКП(б)

¹⁰ Государственный архив Новосибирской области (ГАО). Ф. П-5. Оп. 2. Д. 1073. Л. 21; Ф. П-8. Оп. 1. Д. 3710. Л. 68–76.

¹¹ Великанов Н.Т. Блюхер. М., 2010. С. 5–19.

¹² Филиппов С.Г. Руководители центральных органов ВКП(б) в 1934–1939 гг.: Справочник. М., 2018. С. 552–553.

11 апреля 1935 г. вынесло Седелникову строгий выговор за ряд ложных сведений в автобиографии: изменив год рождения на 1890, он приписал себе революционные заслуги и стаж в большевистской партии с 1914 г. вместо 1918 г.¹³ Но в составе ЦК партии его оставили. В июне 1937 г. Седелников арестован как «враг народа» и затем расстрелян.

В начале 1930-х гг. был разоблачен еще один лжепартизан – Ф.М. Скрипко (1899–1972), который, дезертировав из армии Колчака, где служил телефонистом, долгое время скрывался, а отнюдь не партизанил. Зато сразу же после прихода красных Скрипко записался в партию и пошел работать в ЧК, сочинил себе героическую революционную биографию и дорос до постов начальника Барнаульского окротдела ОГПУ, Сибирского краевого административного отдела и краевой милиции Западной Сибири. В 1932 г. Скрипко разоблачили, он был уволен из ОГПУ с лишением наград, а два года спустя исключен из ВКП(б) за сокрытие происхождения и приписывание себе революционных заслуг. Тем не менее впоследствии Скрипко был восстановлен в партии и вернулся в номенклатуру среднего уровня¹⁴.

Поддельвала свидетельства о собственном героическом прошлом во время гражданской войны в Кузбассе и А.Н. Геласимова. Автор известных воспоминаний, она выдавала себя за подпольщицу и десятилетиями выпускала об этом мемуарные книги. В одном из мемуарных очерков Геласимова упоенно фантазировала, как в октябре 1919 г. при атаке на село Крапивино командовавший отрядом Г.Д. Шувалов-Иванов был ранен и атаку возглавила она, а когда пулеметчик убил ее вороного, упав с коня, она потеряла сознание, но сразу же очнулась и побежала на белых с криками «За Советы, товарищи! Вперед!». Разумеется, ее героический порыв увлек партизан: «За мной слышался топот массы людей»¹⁵. На деле Геласимова просто скрывалась от белых и до конца 1919 г. была сельской учительницей в кузбасской провинции. И только на пике партизанских успехов, буквально на несколько дней, заняла место комиссара в отряде В.П. Шевелева-Лубкова. В архивных документах сохранился протест рядовых партизан бывшей Томской губернии по поводу того, что Геласимова называла себя, а не Шевелева-Лубкова организатором партизанского движения в Щегловском, Кузнецком и Мариинском уездах, тогда как на деле до декабря 1919 г. и она, и ее муж П.Ф. Федорец, будущий секретарь правительства ДВР, в партизанском движении не участвовали, отчего «Федорца и Геласимову массы не знали»¹⁶.

Гораздо труднее приходилось тем партийцам, в отношении которых «всплывали» документы, позволявшие обвинять их в предательстве не только идеалов, но и конкретных людей. Известно, что в 1920-х гг. чекисты предоставили И.В. Сталину компрометирующие материалы о недостойном поведении перед царскими следователями – выдача товарищей и подача прошений о помиловании – членов Политбюро М.И. Калинина и Я.Э. Рудзутака. Эти документы остались в архиве, в ответ Сталин получил полную лояльность означенных лиц¹⁷. Зато в случае с главой Красноярского окрисполкома и членом ВЦИК В.В. Полюдовым, арестованным в июле 1929 г. после обнаружения его заявления о желании служить в особом отделе при Всероссийском правительстве Колчака, вождем санкционировал уголовное преследование. Это заявление от 29 октября 1919 г., которое председатель Павлодарского совета казачьих депутатов Полюдов написал после ареста, стоило ему приговора в 10 лет заключения в Соловецком концлагере¹⁸. Красноярская «Деревенская газета» сообщила 14 августа 1929 г. под крупным заголовком на третьей странице: «Полюдов оказался предателем», приводя решение СибКК ВКП(б) о его исключении из партии. Судя по этой статье, Полюдов с 1918 г. сидел в Омском концлагере, был белым контрразведчиком и «будет сурово наказан за обман советской власти и партии». Дальнейшая судьба Полюдова неизвестна до сих пор.

¹³ Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ). Ф. 6. Оп. 1. Д. 49. Л. 25, 30–37.

¹⁴ Там же. Д. 99. Л. 2, 3; Д. 151. Л. 134; Д. 405. Л. 70; ГАНО. Ф. П-3. Оп. 2. Д. 279. Л. 188; Оп. 7. Д. 579. Л. 759.

¹⁵ ГАНО. Ф. П-5. Оп. 4. Д. 1121. Л. 45.

¹⁶ Там же. Д. 1350. Л. 1.

¹⁷ Советское руководство. Переписка. 1928–1941: сб. док-тов. М., 1999. С. 9–10.

¹⁸ Тепляков А. Невычищенные // Родина. 2002. № 6. С. 56.

Еще один видный член Коммунистической партии в Сибири – Кузьма Галето превратил факт своего освобождения из «белого плена» в героический побег. В 1918 г. Галето был председателем отдела почт, телеграфа и железных дорог Семипалатинского обрисполкома, затем оказался в плену у атамана Б.В. Анненкова. В итоге он был освобожден не то как безвредный штатский, не то как осведомитель. Сначала Галето утверждал, что его взяли на поруки родственники и земляки – это был распространенный способ избежать ответственности при белых, ибо проверок поручительства обычно не проводилось. В поздних анкетах он уже смело писал о своем побеге из «вагона смерти». Большой террор позволил Галето стать секретарем райкома, а затем вторым секретарем Алтайского крайкома ВКП(б) и депутатом Верховного Совета РСФСР. С этой должности Галето был снят в октябре 1939 г. после доноса о неблаговидном поведении после ареста в 1918 г. Но проверка не нашла данных, подтверждавших обвинение в провокаторской работе, а бывшая жена показала, что ради освобождения мужа вступила в интимную связь сначала с адъютантом Анненкова, а затем и с самим атаманом. В итоге К.К. Галето отделался строгим выговором, но в номенклатуру уже не вернулся¹⁹.

Сомнительные факты в своей биографии активно ретушировал участник революционного движения в Сибири К.Т. Лагошный. В июне 1918 г., предвидя падение красных, заместитель председателя Комиссии по борьбе с контрреволюцией Иркутского губисполкома анархист Лагошный вручил поддельное удостоверение личности поручику Фокину со словами: «Скоро Советы совсем слетят, тогда выручайте меня». Также Лагошный не дал хода откровенным показаниям арестованного заговорщика – полковника Б.П. Иванова. Пойманный белыми вместе с председателем Сибирской ЧК И.С. Постоловским, Лагошный отделался двухмесячным заключением, после чего был отправлен в ссылку, в то время как Постоловского казнили. Позднее Лагошный уверял, что бежал из тюрьмы и смог организовать партизанский отряд в Кустанайском уезде. Затем он занимал крупные должности в органах Военного контроля в Верхнеудинске и заведовал Прибайкальской областной милицией. В 1930-е гг. его неоднократно пытались разоблачить как приспособленца, но Лагошный смог удержаться на небольших должностях в Москве. Там он был арестован 24 июня 1941 г. за «пораженческую агитацию» и два года спустя умер в Омской тюрьме²⁰.

Сослуживцем Лагошного был будущий писатель И.М. Новокшенов, автор знаменитой повести «Потомок Чингисхана». Новокшенов фактически полностью сочинил себе героическую красногвардейско-партизанскую биографию. На самом деле за ним числилось и дезертирство из Красной гвардии перед боями в Иркутске с юнкерами в декабре 1917 г., и мошенничество с изъятыми наркотиками сразу после зачисления в Иркутскую ЧК, и освобождение из тюрьмы после покаянного письма белым властям, и создание партизанского отряда из дезертиров, которые не вели боевых действий, а прятались в тайге. Далее была служба в Народно-революционной армии и Госполитохране ДВР, работа членом коллегии Сибирской окружной транспортной ЧК и отдача под суд в Омске в 1921 г. за пьянство при расстреле с последующим исключением из партии²¹. Причины его ареста в 1937 г. на Урале неизвестны и поныне, поэтому вполне возможно, что эти страницы биографии Новокшенова так и остались в тайне.

Утаивание компрометирующих материалов расценивалось не только как тяжкое преступление перед партией, но и каралось в уголовном порядке. В Уголовном кодексе 1926 г. имела статья № 169, наказывавшая лагерным сроком сокрытие социального происхождения. Впрочем, далеко не все проступки нуждались в сокрытии или «перелицовке» в героические деяния. Так, в партийно-государственной номенклатуре было много личностей, чье криминальное прошлое не было секретом с революционных времен и не мешало делать карьеру. Тем более что экспроприации и вымогательство средств на пополнение

¹⁹ Там же. С. 57.

²⁰ Хипхенов Г.И. Крушение Центросибири. Иркутск, 2022. С. 41–42, 120; Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 372. Оп. 1. Д. 403. Л. 19–20.

²¹ Хипхенов Г.И. Крушение Центросибири... С. 125–128; Государственный архив Омской обл. Ф. 1. Оп. 2. Д. 48. Л. 61 об.

партийной кассы, равно как и убийства чиновников и военных старого режима, а также и полицейских осведомителей не считались криминалом в партийной среде. Например, фальшивомонетчик Ф.Н. Мухин, также дважды сидевший за денежные подлоги, в конце 1917 г. был официально прощен своими товарищами по революционной борьбе и возглавил Амурскую область²², проявив себя волевым лидером.

Реальные заслуги перед советской властью позволяли «обнулять» не только бытовые проступки, но и уголовные преступления. Здесь показательна судьба коменданта Петрограда В.С. Шатова, одного из видных анархистов, который сначала арестовывался за пьяный дебош, а потом за дискредитацию власти, но был освобожден по ходатайству Сталина перед Политбюро как герой обороны Петрограда от войск Юденича. Шатов был отправлен сначала в Омск, а потом в Верхнеудинск и Читу, став одной из ключевых фигур во всей системе власти Дальневосточной Республики. При этом чекисты Петрограда продолжали числить его среди лиц, проходивших по делу о разгульной жизни в голодавшем городе. Интересно, что Шатов демонстративно оставался анархистом, а впоследствии, выйдя из партии, не вступил в ВКП(б) даже будучи начальником строительства Турксиба²³.

Среди активных подпольщиков Черемховской организации в Иркутской губернии в 1919 г. был И.С. Пестун, впоследствии член штаба партизанского отряда Л. Табакова. В начале 1930-х гг. этот бывший участник штурма Зимнего дворца работал председателем районной контрольной комиссии ВКП(б) в Иркутске и обвинялся членами Всесоюзного общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев в сокрытии уголовного прошлого. Выяснилось, что в январе 1908 г. Игнатий Пестун, выдававший себя впоследствии за десятника боевой дружины в Петербурге (в конце 1905 г.), был осужден Петербургским окружным судом к смертной казни, замененной 20 годами каторги, «за разбойное нападение с целью ограбления частной квартиры» и вооруженное сопротивление при задержании и до 1917 г. находился в заключении. Также его обвиняли в подаче «прошения на высочайшее имя» о помиловании. Советские власти ограничились снятием Пестуна с ответственной работы, он также остался в партии, получив строгий выговор за сокрытие щекотливых моментов своего прошлого²⁴.

В некоторых случаях судимость за уголовные преступления, выдаваемая потом за политические, сходила с рук, вероятно, благодаря личным связям и покровителям. Отец начальника Одесского УНКВД С.И. Гапонова, таганрогский подпольщик И.Г. Гапонов, член РСДРП с 1903 г., был осужден в марте 1911 г. Временным военным судом в Новочеркасске к пожизненной каторге за групповое ограбление рудничного кассира в период военного положения в декабре 1908 г. Среди пятерых грабителей двое были членами РСДРП, обладателями партстажа с 1903 и 1905 гг. В 1930-е гг. им было достаточно заявить, что данное дело сфабриковала царская полиция, как контрольные органы ВКП(б) отказались от каких-либо претензий к этим старым революционерам²⁵.

Уголовные и революционные моменты причудливо переплелись в биографии бывшего командира партизанского отряда в Кузнецком уезде Т.Ф. Путилова-Смердина, «работавшего» там в контакте с Шевелевым-Лубковым. В 1929 г. на партийной чистке его исключили из ВКП(б) за «разложение» сельской коммуны, которой он руководил. Рассказывая о себе, Путилов счел необходимым вспомнить, что весной 1919 г. его «отрядом была сделана экспроприация крупного торговца, проживающего на заимке Черный Этап, ныне Ленинского района, Елонова Александра», причем была изъята часть имущества, «годного для отряда».

²² Шишкин В.И. Мухин Федор Никанорович // Россия в Гражданской войне. 1918–1922: Энциклопедия в 3 т. М., 2020. Т. 2. С. 530.

²³ Красный террор в Москве: свидетельства очевидцев. М., 2010. С. 242; Архив управления ФСБ по СПб и Ленобласти. Д. П-9964. Т. 17. Л. 21, 22, 38, 43 об., 59–65, 135, 142–144, 204 (сведения д-ра ист. наук В.С. Измолика).

²⁴ РГАНИ. Ф. 6. Оп. 2. Д. 939. Л. 97–97 об.; ГАНО. Ф. П-5. Оп. 3. Д. 233. Л. 1, 2.

²⁵ Савин А., Тепляков А. «Чистка чистильщиков» как инструмент дисциплинирования НКВД. Сотрудники УНКВД по Одесской области на скамье подсудимых, 1939–1943 гг. // Чекисты на скамье подсудимых: сб. статей. М., 2017. С. 316–317.

Поскольку сам Елонов «куда-то скрылся», партизаны связали его жену и детей, заперли в доме и подожгли его. «Какая-то случайность дала возможность жене Елонова развязаться и развязать других и спастись от гибели», – сожалел Путилов²⁶.

В архивах сохранилось донесение управляющего Кузнецким уездом в Томск, которое подтверждает намерение Путилова сжечь купеческое семейство и приводит имена жертв. Документ описывает события в ночь на 25 мая 1919 г. – налет «банды вооруженных разбойников с красными повязками на рукавах» на заимку Черный Этап в Караканской волости – следующим образом: «Захватив здесь жителей заимки Коркина, Попугаева с женой и малолетними детьми и Елонову, разбойники связали их, положили в комнатах верхнего этажа дома Елонова, а в нижний натаскали сена, которое подожгли. Затем насильственно взяли с собой Капитона Копылова и жену вышеупомянутого Коркина, три ящика белья и граммофон <...> Обреченный на сожжение Коркин освободился <...> развязал остальных, и все благополучно выбросились из окна пылающего дома на улицу. <...> Предводитель шайки говорил, что Капитона Копылова они увозят, чтобы предать его более лютой казни, чем сожжение, а Коркину <...> как красивую молодую женщину»²⁷.

В результате отряд Путилова-Смердина из 37 человек был разоружен и распущен бойцами Шевелева-Лубкова как превратившийся в разбойничью шайку. Правда, в мемуарах Геласимовой упоминается, что Путилов-Смердин в декабре 1919 г. командовал отрядом из 30 человек, а затем и одним из полков шевелевской «армии» и в 1920 г. вступил в РКП(б)²⁸. Путилов-Смердин вскоре смог вернуть себе доверие и снова получил отряд, а его личный фонд в краеведческом музее говорит о Смердине как заметном революционном и советском деятеле. В 1930-е гг. он публиковал в районной газете мемуары, где надуманно утверждал, что руководил тремя-четырьмя сотнями бойцов, его отряд играл решающую роль в разгроме белых и был коварно обезоружен и ограблен якобы из-за отказа соединиться с шевелевцами²⁹.

В рядах небольшого отряда Шевелева-Лубкова, помимо Путилова-Смердина, числился целый ряд сомнительных персонажей, впоследствии сделавших карьеру, в том числе благодаря своим «героическим» биографиям. Член Щегловского совдепа и потомственный уголовник Григорий Мошковский, чей отец был сослан в Сибирь в возрасте 18 лет, в 1908 г. был пастухом в селе Чумай и вскоре «за попа» (избиение, ранение или ограбление священника) оказался в тюрьме, где провел три года. В 1917 г., являясь членом совдепа на Кемеровском руднике, он провернул аферу, присвоив тысячу рублей. При Колчаке скитался в тайге, воевал в отряде Шевелева-Лубкова. В 1920 г. участвовал в ликвидации белых «банд», был политруком, председателем шахткомса, начальником горной милиции, строителем, с 1930 г. занял должность управляющего коммунальным трестом Щегловска (Кемерово)³⁰.

Другой шевелевец, М.С. Федотов, старший унтер-офицер русской армии, был дважды ранен, награжден двумя крестами и медалями. С 1917 г. работал начальником угрозыска Тюменской уездно-городской милиции и являлся членом коллегии местного отдела по борьбе с контрреволюцией. В июле 1918 г. Федотов бежал из Тюмени и сначала прибил к отряду Шевелева-Лубкова, а затем, по его собственному заявлению, «утащил оружие и самостоятельно партизанил» (т.е., вероятнее всего, либо все выдумал, либо занимался грабежами) в Кузнецком и Щегловском уездах. Впоследствии Федотов дослужился до начальника отдела Якутской губЧК, за преступления в пьяном виде был уволен из ОГПУ и в 1924–1926 гг. сидел на Соловках. После освобождения его революционные заслуги помогли ему устроиться на рядовую должность в Новосибирском угрозыске³¹.

Классическим маргиналом, чья звезда взошла в лихие годы, был Никита Евдокимов – внук переселенца, сосланного в Енисейскую губернию из Поволжья за избиение исправника

²⁶ Кушникова М., Сергиенко В., Тоголев В. Страницы истории города Кемерово. Новокузнецк, 1997. Кн. 1. С. 37, 38.

²⁷ ГАНО. Ф. П-5. Оп. 2. Д. 1523. Л. 10–10 об.

²⁸ Геласимова А.Н. Записки подпольщицы. М., 1967. С. 199–200; ГАНО. Ф. П-5. Оп. 2. Д. 1187. Л. 31.

²⁹ Путилов. Воспоминания борьбы за власть Советов // Красный Тайдон. 1934. № 129. С. 2.

³⁰ Кушникова М., Сергиенко В., Тоголев В. Страницы истории города Кемерово. 1997. Кн. 2. С. 373–374.

³¹ Ефремов М.А. 80 лет тайны. Власть и милиция Сибирского края, 1917–1937. Новосибирск, 2002. С. 75–76.

и священника, нарушившего тайну исповеди. Воспитывался Никита матерью (впоследствии он рассказывал: «...отца у меня совсем не было. Или, быть может, их было много»), рос деревенским «драчливым уличным мальчишкой», которого дразнили и не брали в компанию соседские ребята, презиравшие его как безотцовщину и выходца из новоселов. В 17 лет он «попал в тюрьму за избиение в своем селе блиставшего золотыми погонами <...> полицейского урядника» («<...> действием <...> и впитанной в меня ненавистью я был недоволен, стал мстить и ненавидеть»). В 1916 г., «жертвуя своим здоровьем[,] отделался от фронта <...> применяя все способы искусственной болезни», а в следующем году вместе с родственником скрылся от мобилизации Временного правительства³².

Затем Евдокимов оказался в Красной гвардии, был в подполье, арестовывался белыми, бежал осенью 1919 г. из Александровского централа, укрывался в тайге и партизанил. Знавший его по побегу партизан-тасеевец Н.П. Емельянов писал в инстанции, что Евдокимов с отрядом в 27 человек в конце 1919 г. скрывался в 25 км от села Тюхтет: «Группа эта была вооружена, но все ее геройство борьбы заключалось в том, что она частенько выезжала из тайги в ближайшия селения за изъятием продовольствия, самогона, причем это изъятие часто сопровождалось пьяным разгулом, по существу, грабежом домашних вещей вплоть до постельных подушек»³³.

Емельянов со своим отрядом разоружил эту шайку, а Евдокимова с пятью сообщниками три дня продержал под арестом. Однако уже в 1920 г. Евдокимов был назначен начальником Тюхтетской раймилиции, бывшие партизаны жаловались на его пьянство и произвол. Емельянов настоял перед боготольскими руководителями, чтобы Евдокимова выгнали из милиции. Однако тот, вероятно благодаря покровительству видных партизан, смог вернуться в правоохранительную систему: в 1924 г. он служил в угрозыске Минусинска и был арестован за злоупотребления³⁴.

Самым ярким примером конструирования героических биографий была фальсификация бывшими красными партизанами своего реального участия в боях с белыми и интервентами путем преувеличения – порой многократного – численности своих отрядов. Так, сам В.П. Шевелев-Лубков, командовавший пятью-шестью сотнями партизан, заявлял о создании под его началом 18-тысячной армии³⁵. В результате до сих пор исследователи доверяют опубликованной в 1955 г. совершенно фантастической цифре в 400 тыс. красных партизан. Но эти исторические фальсификации были совершенно безопасны для партизан, поскольку звучали в унисон с мифом о бесчисленных и героических повстанческих армиях.

Многие видные партизаны Сибири и Дальнего Востока приписывали себе истребление десятков тысяч колчаковцев, чехов и японцев, «забывая» о жертвах социальных чисток в деревне и во многих захваченных городах. В создании их героических мифов также по разным причинам принимали участие руководящие партийно-государственные органы. Так, региональные власти предпочли фактически закрыть глаза на преступления крупных отрядов И.П. Шевчука, Д.И. Бойко-Павлова и М.Е. Попко в Амурской и Приамурской областях в 1921–1922 гг., где они стали ядром красного бандитизма. Привыкшие грабить местное население партизаны фактически отказались воевать с успешно наступавшими на Хабаровск в конце 1921 г. белыми отрядами генерала В.М. Молчанова, открыто не повиновались военным властям ДВР и грабили базы снабжения Народно-Революционной армии ДВР³⁶.

Самостоятельность дальневосточных «махновцев» Бойко-Павлова, Попко и Шевчука продлилась до самого конца существования ДВР. Разрозненные группы их партизан долго

³² ГАНО. Ф. П-5. Оп. 2. Д. 881. Л. 1–7.

³³ Там же. Л. 75.

³⁴ Там же. Л. 75 об. – 76 об.

³⁵ Эту цифру в 18 тыс. бойцов Шевелёв-Лубков объявил в 1930 г., вынудив мемуаристку А.Н. Геласимову отказаться от цифры в 10 тыс. в ранних мемуарах и позднее тоже писать о 18-тысячной армии «трех уездов», на деле действовавшей в границах одного района. См.: *Кадейкин В.А.* Сибирь непокоренная. Кемерово, 1968. С. 442, 551; ГАНО. Ф. П-5. Оп. 2. Д. 1187. Л. 42; *Геласимова А.Н.* Записки подпольщицы. М., 1967.

³⁶ *Земцов В.С.* ДВР и волочаевские дни Василия Блюхера. М., 2017. С. 210, 276; *Левкин Г.Г.* Волочаевка без легенд. Хабаровск, 1999. С. 13, 69, 127.

скрывались в тайге, а внушительные запасы со временем все же были частично использованы войсками ДВР: в марте-апреле 1922 г. с баз Бойко-Павлова и Шевчука вывозилось для нужд наступавшей НРА продовольствие и обмундирование, так что армия получила к 1 апреля три вагона обмундирования³⁷. В середине августа 1922 г. чекисты сообщали, что партизанские самосуды в Амурской и Приамурской областях продолжают распространяться. Общий вывод чекистов о ситуации лета 1922 г. был определенным: «Оперирующие по области остатки партизанских отрядов Бойко-Павлова, Шевчука и эсэра Руднева, при своеобразной тактической линии, занятой к ним Военсоветом, – не искоренение их, а держание, на случай использования, – поставили область перед фактом существования в области советской махновщины, как именуют себя и сами бандиты»³⁸.

Впрочем, военные и партийные покровители Шевчука не дали его в обиду. С.М. Серышев в 1923 г., сразу после скандального завершения партизанской карьеры Шевчука, уверял, что отряд последнего якобы «отличался суровой дисциплиной и спайкой», а о самом главаре сказал так: «Не совсем усвоив пути революционного движения и тактику Коммунистической партии последних двух лет, он тем не менее предан заветам Октябрьской революции и умрет на своем посту, но не покривит душой»³⁹. Бывший начальник Приамурской стрелковой дивизии А.К. Флегонтов много лет пытался донести до верхов правду о партизанских «художествах» Шевчука. В июне 1934 г. в секретариат «История Гражданской войны» поступило письмо от исполняющего обязанности начальника Центрального музея РККА П.Н. Логинова. Тот просил разобраться с заявлением Асакбаева-Якшини, бывшего партизана отряда Шевчука, на Флегонтова, так как последний написал в разные инстанции 55 рецензий якобы «демагогического, непартийного порядка» на воспоминания Шевчука. В итоге Флегонтов был обвинен в том, что называл отряд Шевчука анархистствующим и бандитским⁴⁰, а его усилия разоблачить авантюриста пошли прахом.

Что касается Д.И. Бойко-Павлова, то он настолько утратил ощущение реальности, что весной 1922 г. все-таки угодил за решетку. Пресса разъясняла точку зрения командующего войсками Восточного фронта Я.З. Покуса: «Еще недавно Бойко-Павлов за смелую, проводимую по собственной инициативе работу в тылу противника, был награжден своевременно боевыми подарками на одном из парадов. Но все заслуги Бойко-Павлова меркнут перед целым рядом преступлений, совершенных Бойко-Павловым и его помощниками, в силу чего, с болью в сердце, повинувшись законам государственности и государственного порядка, Военсовет отдал распоряжение об аресте Б.-Павлова и препровождении его в Читту, где и будет совершен над ним суд, так как он член Нарсоба⁴¹ и местному суду не подсуден. Обвинительные материалы по адресу Б.-Павлова и [М.Е.] Попко до того колоссальны, что поместить их на страницах газет не представляется возможным. Они своевременно, по окончании следствия, по частям будут опубликованы. Основные обвинения: 1. Убийства

³⁷ Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 221. Оп. 2. Д. 25. Л. 38.

³⁸ Там же. Оп. 1. Д. 118. Л. 141.

³⁹ Серышев С. Вооруженная борьба за власть Советов на Дальнем Востоке // Революция на Дальнем Востоке. М.; Пг., 1923. С. 84. Предсказание Серышева сбылось: в 1925 г. Шевчук был мобилизован в РККА, сделал карьеру и действительно погиб на боевом посту. В мае 1942 г. дивизия генерал-майора Шевчука приняла в составе 11-й армии участие в Демянской наступательной операции и понесла большие потери. В донесении Военного совета Северо-Западного фронта отмечалось: «Генерал-майор Шевчук <...> за преступное руководство дивизией, приведшее к невыполнению боевой задачи дивизией в течение четырех дней, по существу разваливший дивизию <...> арестован и предан суду военного трибунала». Однако трибунал, учтя революционные заслуги генерала, всего лишь понизил его в должности. Далее Шевчук был заместителем командира 241-й стрелковой дивизии 53-й армии Северо-Западного фронта. 28 октября 1942 г. отправился на рекогносцировку заминированного участка фронта у озера Селигер, подорвался на противотанковой mine и спустя два дня умер (Форум истории ВЧК ОГПУ НКВД МГБ [Электронный ресурс]. URL: <http://forum.mozohin.ru/index.php/topic,2064.370.html> (дата обращения: 20.08.2024)).

⁴⁰ Быстрова О.В. «...Извините, что тревожу, но как быть?»: Переписка А.М. Горького с П.П. Постышевым // Время Горького и проблемы истории (материалы и исследования). М., 2018. Вып. 14. С. 198, 199.

⁴¹ То есть Народногo собрания.

и грабежи с целью наживы. 2. Систематическое расхищение казенного имущества. 3. Неподчинение ни законам Пр[авительст]ва, ни приказам Военного Командования»⁴².

Но арест «авторитетов» был недолгим, а прессе не дали публиковать подробности партизанских бесчинств. Уже в мае 1922 г. на запросы военных властей Военотдел ГПО сообщал Военсовету, что содержащиеся под стражей Д.И. Бойко-Павлов и М.Е. Попко освобождены приказом директора ГПО ДВР. Судя по всему, Л.Н. Бельский постановил выслать их в РСФСР. Резолюция Блюхера от 22 мая 1922 г. на этом сообщении гласила: «Полагал бы Попко вернуть [в тюрьму] и [направить] <...> к Павлуновскому [ибо] наличие этого типа здесь нежелательно»⁴³. Мнение Блюхера было принято к исполнению, и партизан снова на какое-то время оказался за решеткой⁴⁴.

Однако аресты партизанских вождей оказались кратковременными и закончились удалением их из региона, причем партийное дело на Бойко-Павлова прекращено по инициативе Дальбюро ЦК РКП(б) «за недоказанностью». Впоследствии Бойко-Павлов и Попко были определены на учебу в престижные вузы Москвы и сделали карьеру. Так, Бойко-Павлов в 1933 г. был приглашен П.П. Постышевым в Харьков на партийную работу, а потом стал чекистом⁴⁵. В конце жизни Бойко-Павлов сам подставился под партийное взыскание, когда в 1950-х гг. попросил председателя партизанской секции Хабаровска А.А. Волошина представить его к званию Героя Советского Союза. Тот отказал, заявив, что не знает никаких героических подвигов просителя. Тогда Бойко-Павлов написал в Хабаровский крайком КПСС донос на Волошина, который якобы был белым офицером, а перейдя к красным, приписывал себе несуществующие заслуги. Крайком ограничился объявлением Бойко-Павлову и Волошину по строгому выговору⁴⁶.

Лжегерои и лжепартизаны Сибири и Дальнего Востока сыграли видную роль в номенклатуре и общественной жизни региона, оставив свой отпечаток в литературной жизни. Следует иметь в виду, что всевозможные политические авантюристы, не имевшие дореволюционного партийного стажа либо бросившиеся после ареста царскими или белыми властями каяться в большевизме и даже предлагать охранным структурам свои услуги в разоблачении революционеров, позднее могли проявлять себя в экстремальных условиях революции и Гражданской войны как храбрые активисты и дельные организаторы масс. В итоге они «обрастали» номенклатурными покровителями и получали хорошие шансы даже в случае разоблачения сохранить свои позиции, пусть и с понижением.

Безупречная биография революционного борца за светлое будущее человечества – крайне важный аргумент в карьерном соревновании. Участники Гражданской войны, особенно партизаны, остро ощущали внутриноменклатурную конкуренцию, особенно в условиях обвального сокращения в период нэпа численности вооруженных сил и служб госбезопасности, а также при ежегодных массовых чистках милиции. Пребывание в силовых структурах с их особым вниманием к прошлому сотрудников было особенно рискованно. В этих условиях безупречные или хотя бы приемлемые биографии служили залогом выживания, особенно в период партийных чисток, обменов партбилетов и репрессивных кампаний.

Героические лжебиографии строились по отработанному канону преобразования в убежденного коммуниста под воздействием старших товарищей и проникновения партийной догмой, после чего следовало описание заслуг перед революцией. Эти тексты насыщались выдуманными эпизодами агитационно-организационной и боевой деятельности, знакомствами с выдающимися историческими личностями, приписыванием себе начальных должностей. Авторы тщательно скрывали свои идейные шатания (пребывание в других политических партиях, отказ от революционной работы в период белой власти, симпатии внутрипартийной оппозиции), не говоря уже о криминальных эпизодах, таких как

⁴² Вперед [орган информотдела при штабе Восточного фронта]. 1922. 19 апр. (указано А.С. Колесниковым).

⁴³ РГВА. Ф. 221. Оп. 2. Д. 12. Л. 211.

⁴⁴ Там же. Л. 227.

⁴⁵ Там же. С. 216.

⁴⁶ Левкин Г.Г. Волочаевка без легенд... С. 69.

участие в чисто грабительских акциях, выдаваемых за революционные экспроприации, расправы с мирным населением под предлогом военной целесообразности. Обычно подчищались наиболее компрометирующие моменты, однако часть биографий была вымышлена в основных деталях или даже целиком. Конструирование биографии нередко имело продолжение с целью редактирования и придания убедительности, что позволяло контролирующим инстанциям выявлять противоречия в биографических текстах. Беллетризованные биографии нередко также выдавались за мемуарные тексты и составляли значительную часть историко-революционных публикаций.

Литература

Алексеев В.В., Нечаева М.Ю. Воскресшие Романовы?... К истории самозванчества в России XX века. Екатеринбург; Челябинск: Институт истории и археологии УрО РАН, 2002. Ч. 1. 404 с.

Алексеев В.В., Нечаева М.Ю. Воскресшие Романовы?... К истории самозванчества в России XX века. Екатеринбург; Челябинск: Институт истории и археологии УрО РАН, 2002. Ч. 2. 558 с.

Быстрова О.В. «...Извините, что тревожу, но как быть?»: Переписка А.М. Горького с П.П. Постышевым // Время Горького и проблемы истории (материалы и исследования). М., 2018. Вып. 14. 432 с.

Великанов Н.Т. Блюхер. М.: Молодая гвардия, 2010. 320 с.

Геласимова А.Н. Записки подпольщицы. М.: Мысль, 1967. 305 с.

Ефремов М.А. 80 лет тайны. Власть и милиция Сибирского края, 1917–1937. Новосибирск: Новосибирский полиграфкомбинат, 2002. 348 с.

Земцов В.С. ДВР и волочаевские дни Василия Блюхера. М.: Граница, 2017. 448 с.

Исаев В.И. Необычные судьбы обычных людей: Советская повседневность в 1920–1930-е гг. Новосибирск: Институт истории СО РАН, 2008. 188 с.

Кадейкин В.А. Сибирь непокоренная. Кемерово: Кемеровское книжное издательство, 1968. 558 с.

Красный террор в Москве: свидетельства очевидцев / сост., предисл. и коммент. С.В. Волкова. М.: Айрис-пресс, 2010. 496 с.

Кто Вы, госпожа Чайковская? К вопросу о судьбе царской дочери Анастасии Романовой: архивные документы 1920-х годов / сост. Г.Н. Шумкин. Екатеринбург: Баско, 2014. 252 с.

Кушникова М., Сергиенко В., Тогулев В. Страницы истории города Кемерово: в 3 кн. Новокузнецк: Кузнецкая крепость, 1997. Кн. 1, 600 с.

Кушникова М., Сергиенко В., Тогулев В. Страницы истории города Кемерово: в 3 кн. Новокузнецк: Кузнецкая крепость, 1997. Кн. 2. 665 с.

Левкин Г.Г. Волочаевка без легенд. Хабаровск: Приамурское географическое общество, 1999. 287 с.

Мыльников А.С. Испытание чудом. «Русский принц» и самозванцы. Л.: Наука, 1991. 267 с.

Россия в Гражданской войне. 1918–1922: Энциклопедия в 3 т. / отв. ред. А.К. Сорокин. М.: РОССПЭН, 2021. Т. 2. 878 с.

Савин А.И. «Мы беззаветные герои все...». Феномен социальной мобильности советского общества в свете его героизации (1920-е – 1930-е годы) // Россия. XXI. 2015. № 3. С. 56–82.

Савин А., Тепляков А. «Чистка чистильщиков» как инструмент дисциплинирования НКВД. Сотрудники УНКВД по Одесской области на скамье подсудимых, 1939–1943 гг. // Чекисты на скамье подсудимых: сб. ст. М., 2017. С. 269–367.

Серышев С. Вооруженная борьба за власть Советов на Дальнем Востоке // Революция на Дальнем Востоке. М.; Пг., 1923. С. 83–120.

Скрынников Р.Г. Царь Борис и Дмитрий Самозванец. Смоленск: Русич, 1997. 624 с.

Советское руководство. Переписка. 1928–1941: сб. док-тов / А.В. Квашонкин, Л.П. Кошелева, Л.А. Роговая, О.В. Хлевнюк. М.: РОССПЭН, 1999. 519 с.

Тепляков А. Невычищенные // Родина. 2002. № 6. С. 56–57.

Усенко О.Г. Психология социального протеста в России XVII–XVIII веков: в 3 ч. Тверь, 1997. Ч. 3. 92 с.

Филиппов С.Г. Руководители центральных органов ВКП(б) в 1934–1939 гг.: справочник. М.: Политическая энциклопедия, 2018. 722 с.

Фицпатрик Ш. Срывайте маски! Идентичность и самозванство в России XX века. М.: РОССПЭН, 2011. 375 с.

Халфин И. Автобиография большевизма: между спасением и падением. М.: Новое литературное обозрение, 2023. 848 с.

Халфин И. Автобиография троцкизма: в поисках искупления. М.: Новое литературное обозрение, 2024. Т. 1. 960 с.

Хипхенов Г.И. Крушение Центросибири. Иркутск: Изд-во ИГУ, 2022. 611 с.

Хлевнюк О. Корпорация самозванцев. Теневая экономика и коррупция в сталинском СССР. М.: Новое литературное обозрение, 2023. 314 с.

References

Alekseev, V., Nechaeva, M. (2000). *Voskresshie Romanovy?... K istorii samozvanchestva v Rossii XX veka* [The Resurrected Romanovs...? To the History of Imposture in Russia of the 20th Century]. Iss. 1. Yekaterinburg, Chelyabinsk, Institut istorii i archeologii UrO RAN. 404 p.

Alekseev, V., Nechaeva, M. (2002). *Voskresshie Romanovy?... K istorii samozvanchestva v Rossii XX veka* [The Resurrected Romanovs...? To the History of Imposture in Russia of the 20th Century]. Iss. 2. Yekaterinburg, Chelyabinsk, Institut istorii i archeologii UrO RAN. 558 p.

Bystrova, O. (2018). "...Izvinite, chto trevozh, no kak byt'?" : Perepiska A.M. Gor'kogo s P.P. Postyshevym ["...Sorry to Disturb You, but How to Be?": A.M. Gorky's Correspondence with P.P. Postyshev]. In *Vremya Gor'kogo i problemy istorii (materialy i issledovaniya)*. Iss. 14. Moscow. 432 p.

Velikanov, N. (2010). *Blyukher*. Moscow, Molodaya gvardiya. 320 p.

Gelasimova, A. (1967). *Zapiski podpol'shchitsy* [Underground Memoirs]. Moscow, Mysl'. 305 p.

Efremov, M. (2002). *80 let tayny. Vlast' i militsiya Sibirskogo kraja, 1917–1937* [80 Years of Secrecy. Power and Militia of the Siberian Region, 1917–1937]. Novosibirsk, Novosibirskiy poligrafkombinat. 348 p.

Zemtsov, V. (2017). *DVR i volochaevskie dni Vasiliya Blyukhera* [The DVR and the Volochayev Days of Vasily Blucher]. Moscow, Granitsa. 448 p.

Isaev, V. (2008). *Neobychnye sud'by obychnykh lyudey: Sovetskaya povsednevnost' v 1920–1930-e gg.* [Unusual Fates of Ordinary People: Soviet Everyday Life in the 1920s–1930s]. Novosibirsk, Institut istorii SO RAN. 188 p.

Kadeykin, V. (1968). *Sibir' nepokorennaya* [Siberia Undefeated]. Kemerovo, Kemerovskoe knizhnoe izdatel'stvo. 558 p.

Volkov, S. (2010). *Krasnyy terror v Moskve: svidetel'stva ochevidtsev* [Red Terror in Moscow: Eyewitness Testimonies]. Moscow, Ayris-press. 496 p.

Shumkin, G. (Comp.). (2014). *Kto Vy, gospozha Chaykovskaya? K voprosu o sud'be tsarskoy docheri Anastasii Romanovoy: arkhivnye dokumenty 1920-kh godov* [Who are You, Mrs. Czajkowska? On the Fate of the Tsar's Daughter Anastasia Romanova: Archival Documents of the 1920s]. Yekaterinburg, Basko. 252 p.

Kushnikova, M. (1997). *Stranitsy istorii goroda Kemerovo* [Pages of History of the City of Kemerovo]. Novokuznetsk, Kuznetskaya krepost'. Vol. 1. 600 p.

Kushnikova, M. (1997). *Stranitsy istorii goroda Kemerovo* [Pages of History of the City of Kemerovo]. Novokuznetsk, Kuznetskaya krepost'. Vol. 2. 665 p.

Levkin, G. (1999). *Volochaevka bez legend [Volochaevka without Legends]*. Khabarovsk, Priamurskoe geograficheskoe obchestvo. 287 p.

Myl'nikov, A. (1991). *Iskushenie chudom. "Russkiy prints" i samozvantsy [Temptation by a Miracle. The "Russian Prince" and the Impostors]*. Leningrad, Nauka. 267 p.

Sorokin, A.K. (Ed.). (2021). *Rossiya v Grazhdanskoy voyne. 1918–1922: Entsiklopediya v trekh tomakh [Russia in the Civil War. 1918–1922: Encyclopedia in Three Volumes]*. Vol. 2. Moscow, ROSSPEN. 878 p.

Savin, A. (2015) "My bezzavetnye geroi vse...". Fenomen sotsial'noy mobil'nosti sovetskogo obshchestva v svete ego geroizatsii (1920-e – 1930-e gody) ["We are Selfless Heroes All..." The Phenomenon of Social Mobility of Soviet Society in the Light of Its Heroization (1920s–1930s)]. In *Rossiya. XXI*. No. 3, pp. 56–82.

Savin, A., Teplyakov, A. (2017). "Chistka chistil'shchikov" kak instrument distsiplinirovaniya NKVD. Sotrudniki UNKVD po Odesskoy oblasti na skam'e podsudimyykh, 1939–1943 gg. [The "Purge of Cleaners" as an Instrument of NKVD Discipline. Employees of the UNKVD in Odessa Region in the Dock, 1939–1943]. In *Chekisty na skam'e podsudimyykh*. Moscow, pp. 269–367.

Seryshev, S. (1923). *Vooruzhennaya bor'ba za vlast' Sovetov na Dal'nem Vostoke [Armed Struggle for Soviet Power in the Far East]*. In *Revolutsiya na Dal'nem Vostoke*. Moscow, Petrograd, pp. 83–112.

Skrynnikov, R. (1997). *Tsar' Boris i Dmitriy Samozvanets [Tsar Boris and Dmitry the Impostor]*. Smolensk, Rusich. 624 p.

Kvashonkin, A.V., Kosheleva, L.P., Rogovaya, L.A., Khlevnyk, O.V. (Comp.). (1999). *Sovetskoe rukovodstvo. Perepiska. 1928–1941 [Soviet Leadership. Correspondence. 1928–1941]*. Moscow, ROSSPEN. 519 p.

Teplyakov, A. (2002). *Nevychishchennye [Uncleaned]*. In *Rodina*. No. 6, pp. 56–57.

Usenko, O. (1997). *Psikhologiya sotsial'nogo protesta v Rossii XVII–XVIII vekov [Psychology of Social Protest in Russia of the 17th–18th Centuries]*. Tver'. Vol. 3. 92 p.

Filippov, S. (2018). *Rukovoditeli tsentral'nykh organov VKP(b) v 1934–1939 gg.: Spravochnik [Leaders of the Central Bodies of the All-Union Communist Party of Bolsheviks in 1934–1939: Handbook]*. Moscow, Politicheskaya entsiklopediya. 722 p.

Fitspatrik, Sh. (2011). *Sryvayte maski! Identichnost' i samozvanstvo v Rossii XX veka [Tear off the Masks! Identity and Imposture in 20th Century Russia]*. Moscow, ROSSPEN. 375 p.

Khalfin, I. (2023). *Avtobiografiya bol'shevizma: mezhdu spaseniem i padeniem [Autobiography of Bolshevism: Between Salvation and Fall]*. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie. 848 p.

Khalfin, I. (2024). *Avtobiografiya trockizma: v poiskakh iskupleniya [Autobiography of Trotskyism: In Search of Redemption]*. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie. Vol. 1. 960 p.

Khipkhenov, G. (2022). *Krushenie Tsentrosibiri [The Collapse of Centrosiberia]*. Irkutsk, Izdatel'stvo IGU. 611 p.

Khlevnyuk, O. (2023). *Korporatsiya samozvantsev. Tenevaya ehkonomika i korruptsiya v stalinskom SSSR [Corporation of Impostors. Shadow Economy and Corruption in Stalin's USSR]*. Moscow, ROSSPEN. 314 p.